

«КОРМИТЬ И ПРАВИТЬ...», или СОЧИНЯТЬ, ЧТОБЫ КОРМИТЬСЯ?

В последние годы резко вырос поток литературы, в которой события рассматриваются в рамках умозрительной идеи автора, вне конкретной ситуации. На эту идею нанизывается исторический материал, делаются ссылки на литературу и все, как будто, выглядят наукообразно. Полистав такой «труд», можно спокойно его забыть, поскольку к познанию истории он имеет условное отношение. Это все равно, что читать опусы о любовницах Г. Жукова, женах Кремля и т.д. Литературы такого уровня становится все больше, она занимает место на полках книжных магазинов и библиотек и начинает жить своей самостоятельной жизнью. Ее авторы делают ссылки только на «своих», половина ссылок — на иностранную литературу, очевидно, такого же уровня. Об источниковой базе исследования авторы предпочитают не распространяться, о других точках зрения на проблему — ни слова, сравнительный материал отсутствует, обобщающих данных нет, а «тенденции» и «закономерности» выводятся из смакования каких-то «мнений», отдельных анонимок, либо среза общественного сознания, представленного совсем небольшой группой «заинтересованных» лиц. Первоначально писалась и издавалась такая литература в большей степени для западного читателя, дабы он не сомневался с каким «злом» и «варварством» имеют дело их «цивилизованные правительства». Но сегодня подготовлена почва для широкого тиражирования подобных трудов и в России. На вранье, на тиражируемой дикой ненависти к своему прошлому выросло поколение людей, и то, что 15–20 лет назад средним российским читателем воспринималось бы как невежество автора, сегодня вполне может восприниматься в качестве обобщающей картины нашего прошлого. Тем более что и заполонившие Интернет рефераты по истории советского периода писаны в большинстве на основе подобной литературы.

Образцом подобного труда по отечественной истории является второе издание книги Т.С. Кондратьевой «Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв.»*. Первое издание вышло во Франции, где автор работает профессором новейшей истории университета г. Валансьен. Теперь очевидно пришло время познакомиться с данным трудом и россиянам. Содержание этой книжки сводится к стремлению автора доказать, что различий между царской властью и советской не было, что государственное устройство происходило и в том и в другом случае в зависимости от представлений о власти. Эти представления западно-европейская политология определяет как «домашнюю модель». В такой постановке нет ничего предосудительного, если бы автор рассматривал факты в рамках данной концепции. Однако с самого начала проблема обрастает такой идеологической фактурой, а приводимые факты столь тенденциозно подобраны и спекулятивны, что верить в «научность» данного опуса может лишь наивный школьник. Идеалом, с позиций которого трактуется проблема, для автора, конечно, является западная модель государственного устройства. Правда, автор не утруждает себя поиском обоснования ее исторической исключительности, но в оценке характера российского государства, что называется, крут. Российское государство в ее оценке изначально не являлось нормальным в западном смысле. В России отсутствовало «современное государство». Самодержавное и тоталитарное государство таковым не являлось. С позиций такой оценки-нормы подбирается и трактуется весь материал. Остановимся только на отдельных суждениях автора, изложенных во второй части работы, которая по объему и по цели является основной.

Рассмотрев «кормленческую функцию» самодержавной власти, опираясь на сведения, почерпнутые преимущественно из рассказов иностранцев, автор легко и просто «доказывает», что советская власть есть прямое продолжение этой традиции. Каким образом? Обоснование очень простое. Переезд советского правительства в Москву в Кремль «воплощает место, и именно поэтому власть в этом месте не может строиться ина-

* Кондратьева Т.С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2009. 207 с.

че, как впитывая в себя время» (С. 74). Кремль, по логике автора, — это то место, где власть думает только о себе, и кто бы не оказался на этом месте, тот будет думать только о собственном кормлении. Одним словом мистика какая-то! На способ организации государственной власти действительно влияет ряд фундаментальных факторов. Государство российское раскинулось на огромных пространствах, слабо связанное коммуникациями и средствами связи, к тому же «вечно вызываемое к обороне», по меткому выражению И. Ильина. Эти факторы, как и множество других, постоянные. Игнорировать их нельзя, как нельзя игнорировать приход зимы. Поэтому действительно в любых временных рамках, независимо от характера политического режима и его целей, будет воспроизводиться та политика, которая обеспечивает выживание и развитие. Но это нельзя рассматривать как некое отклонение от «нормы» идеала, под которым, конечно же, понимается западное государство.

Предельно настойчиво автор пытается внушить мысль, что жизнь в Кремле с самого начала радикально отличалась от всей России. Кругом хаос и нищета, а в Кремле электрическое освещение: «...условия повседневной жизни улучшались внутри кремлевских стен и ухудшались за их пределами» (С. 75). В этом жанре автором трактуется деятельность по возрождению разрушенного в боях Кремля, работы по дезинфекции, восстановлению канализации и многое другое. Да, эти работы велись, а в каких городах России, где жизнь входила в мирную колею, не осуществлялись подобные работы? Не открывались прачечные, бани, не восстанавливался водопровод?

Работники Кремля при этом могли пользоваться только теми предметами повседневного обихода (мебелью, посудой и прочей утварью), которая оставалась в его запасниках от прежней власти. Но все детали декора прошлого трактуются автором как «восстановление прошлого» (С. 76). Очевидно, нужно было зачистить Россию более основательно, снести все, уничтожить посуду и прочую утварь, а возможно и свести российский люд, чтобы на этом месте «кто-то» с чистого листа начал творить новую российскую историю и «современное» российское государство.

Особенно автор налегает на такой аспект кремлевской жизни как питание. Новые органы власти, особенно в годы Граждан-

ской войны работали в авральном режиме практически круглосуточно, что требовало более-менее нормального питания. Автор подробно смакует некую «борьбу» различных государственных структур за свое продовольственное обеспечение, но все же вынужден признать, что в действительности разница между пайками, получаемыми жителями Кремля «была невелика» (С. 78). Более того, конюхам в Кремле сала и колбасы выделяли больше, чем сотрудникам Управления делами, которые и ведали этим распределением. Если всем в Кремле раздавали примерно равно, то в чем суть проблемы? Оказывается в том, что за пределами Кремля работники центральных учреждений жили несравненно хуже. Это порождало среди представителей власти «зависть и ненависть» (С. 80). Если у Каменевых угощают тонкими ломтиками хлеба и грязными кусочками сахара, «который покупался у красноармейцев, которые им расплачивались, играя друг с другом в карты», то это трактуется автором как сокрытие своих богатств. Если сахар в избытке имеется у красноармейцев, продающих его и проигрывающих в карты, то почему семьи высокопоставленных сановников советского правительства должны имитировать такой аскетический образ жизни? Поскольку фактов у автора, доказывающих, что представители новой власти также утопают в роскоши, как представители старой, нет, то, следовательно, и трактуется это как «сокрытие богатства совнаркомовских пайков», а для убедительности делаются ссылки на воспоминания неких Ходасевичей, Соломонов, изданных, понятно, совсем недавно. Лидер правительства и партии, конечно, был тоже вовлечен в процесс распределения пайков, и рассмотрение жалоб обиженных распределением. И в чем это проявлялось? «Иногда он сам проявлял инициативу, даже если к нему не обращались. Например распорядился, чтобы во всех залах Совнаркома и Совета труда и обороны были графины с кипяченной водой и стаканы» (С. 80). Вот, оказывается, какое было распределение богатств в Кремле.

Смакование неких домыслов мало походит на историческое исследование, в гораздо большей степени это пристрастный подбор фактов с четким идеологическим подтекстом. Но как ни старается автор подобрать такие факты, они настолько мелки, незначительны, что никак не тянут на вывод об «обогащении»

элиты советской власти. Вот если бы автор привел примеры как делятся реальные богатства в коридорах власти западных государств и «современного» российского, и сравнил это с обеспечением сотрудников советского правительства кипяченной водой, тогда бы картина приобретала некие реальные очертания. Представителям «современного государства» как раз это и непонятно, потому они и не верят (и никогда не поверят), что можно обладать властью и получать паек меньше работника конной базы Кремля. Поэтому именно на подобные изыскания Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина всегда находит средства.

Никакие обстоятельства, вызвавшие нормированное распределение, не учитываются и не рассматриваются. Автор легко и просто утверждает, не обременяя себя доказательствами и сравнительным материалом, что высосанная им из пальца «модель общения и правления оказалась приемлемой для большевиков вне зависимости от обстоятельств» (С. 82). Что и говорить, — аргумент! Этот же вывод автор сего писания повторит и в заключении. Исход гражданской войны трактуется следующим образом: «...военные и технические специалисты, политические комиссары, пропагандисты, а также солдаты и рабочие, набранные по *специальным договорам, и получавшие усиленные пайки* (курсив мой. — А. Ш.) оказали власти спасительную поддержку. ... Большевики могли убедиться, что установка на «кормление» проявляет себя как эффективный способ управления» (С. 157). Вот оказывается, где собака зарыта?! Не заключала белогвардейская власть специальные договоры и не выдавала своим офицерам, генералам и прочим усиленные пайки, потому и проиграла большевикам.

Подбор подобных «аргументов» впечатляет. Стараясь доказать, что неравенство между представителями власти было не только в снабжении продовольствием, но и в заработной плате, автор приводит такой убийственный факт: «... в 1925 г. *максимальная* заработная плата ответственного партийного работника доходила до 175 р., в то время как *средняя* заработная плата рабочего не превышала 50 р.» (С. 82). Таких манипуляций множество. Ведь можно взять максимальную заработную плату рабочего и минимальную заработную плату партийного работника и картина будет диаметрально противоположной. Можно взять

среднюю заработную плату и тех и других и тогда никакой существенной разницы не будет вообще. Все дело в цели, которую преследует автор. К науке это не имеет никакого отношения, но неискушенный читатель в подобные детали не вникает. При этом «вопрос о заработной плате вызывал зависть и трения среди работников аппарата...» (С. 81). Словом, советская власть — не власть, а клоака, где все завидуют пайкам, заработной плате, жалуются друг на друга вышестоящим начальникам.

Или вот еще одна обобщающая зарисовка о том, как органы власти на местах принуждали крестьян к продаже зерна государству. «Сторонники властей третировали крестьян, подозреваемых в укрывательстве зерна: запирали на несколько дней в домах, не давали пить, ни есть, на улицах тыкали в бока и лицо, плевали в глаза или водили по деревне с досками на шее, содержащими оскорбительные надписи, отбирали керосин, спички. Почти повсеместно с ними отказывались здороваться, не допускали к колодцам, выгоняли их детей из школ, устраивали обыски, конфискации и т.п.» (С. 91). В этой зарисовке для полноты картины не хватает только голодных рыскающих медведей на улицах российских деревень.

Если не принимать во внимание субъективные оценки автора, исходить только из фактов, которые приводятся в работе, то они легко интерпретируются в обратную сторону. С самого начала новая власть в условиях скудности продуктов и товаров нащупывала тот механизм распределения, который бы не только обеспечивал физиологическое выживание, но одновременно являлся стимулирующим фактором. В соответствии с введенным 1 сентября 1918 г. «классовым пайком» население Москвы и Петрограда делилось на четыре категории. В первую категорию включили тех, кто был занят тяжелым физическим трудом. Во вторую включались те, кто был занят менее физическим трудом, либо имели больных детей. В третью категории попадали люди свободных профессий и служащие. В четвертую вошли мелкие ремесленники, предприниматели и торговцы. В дальнейшем эти нормы продолжали дифференцироваться. Усиленный паек стали получать специалисты и ученые (академический); врачи и медработники, участвующие в борьбе с эпидемиями; военные, находящиеся на фронте и т.д. Поскольку система принимала слиш-

ком запутанный характер, 30 апреля 1920 г. принимается новый декрет СНК, который устанавливает три основные группы по снабжению: рабочие физического труда, лица умственного и конторского труда, лица, занятые в частном хозяйстве. Однако и эта система имела ярко выраженную тенденцию к усложнению и разветвлению.

Позднее данная система была воспроизведена в конце 1920-х гг., когда власть взяла курс на широкую индустриализацию, численность работающих в индустриальном секторе народного хозяйства резко возросла, и возникли серьезные трудности в снабжении тружеников промышленных строек и городского населения. С 1 января 1931 г. вводилось приоритетное снабжение всех, кто активно участвовал в индустриализации: по литеру «А» снабжались индустриальные и фабрично-заводские рабочие; литер «Б» предназначался для прочих рабочих физического труда (служащие, члены их семей и семей рабочих). Отдельной группой в плане снабжения выделялись дети до 14 лет. Одновременно с этим снабжение дифференцировалось по зонам промышленного строительства на «особый список», первый, второй и третий. На особый и первый список приходилось 40% находящихся на госснабжении, но они получали 70–80% продуктов и товаров. Второй и третий список составляли маленькие непромышленные города. К ним же причислялись и работники МТС. В колхозах преимущество получали колхозники перед индивидуальными пользователями земли.

Принципу полезности для индустриализации подчинялось и снабжение заключенных. Кормили при условии выполнения заданий. Действительно, власть концентрировала ресурсы на стратегических направлениях, и это не могло не отразиться на снабжении. Приоритет отдавался тем, кто работал на индустриализацию. Какие еще были варианты для стимулирования высокопроизводительного труда при крайне ограниченных ресурсах в условиях форсированной индустриализации? Может, с точки зрения автора «Кормить и править...» не надо было строить танковые заводы, развивать машиностроение, создавать авиационную промышленность? Не готовить страну к «войне техники»? История подтвердила правильность выбранной стратегии на форсированную индустриализацию. Проведенная в

кратчайшие сроки, она стала основой достижения победы над нацистской Германией, на которую работала экономика «современных» европейских государств. Да, этот курс имел немало издержек, в том числе серьезные проблемы возникли в сфере снабжения. Реакцией на них стало введение на местах карточной системы снабжения. Вводилась она стихийно снизу, центральные органы власти лишь ее санкционировали, что признает и автор книги о «кормлении». Вот только интерпретация этих событий не может выйти за рамки одиозной схемы данного труда. Все эти меры автор трактует как «принцип бронирования товаров и продуктов для избранной части населения, усугубляющий неравенство». «Не будучи благодетельницей на деле, власть сама строилась и людей дифференцировала по иерархическому признаку. Оознавательными знаками иерархии были привилегии одних перед другими» (С. 84, 107). Автор пытается скрупулезно подсчитать, что же получали «руководящие кадры». Оказывается, для них строилось жилье, предоставлялись машины и шоферы, организовывалось питание на пленумах и съездах и т.д. По логике автора, руководители государства обязаны были готовить себе пищу, стирать, убирать квартиры, ремонтировать связь, мебель и т.п. Здесь, похоже, профессор новейшей истории из Франции уже выступает поборником коммунистического принципа равенства.

1 января 1935 г. карточная система в СССР была отменена. Но автор делает вывод: планово-распределительная система была установлена не ради индустриализации и светлого будущего, прорыва вперед в экономике, а ради самого распределения, которое утвердилось как сущность большевистского режима (С. 116). Для руководящих работников сохранялись «лечебные»: дотация в 80 руб. на питание и санаторное обслуживание за 30% стоимости. (С. 117). Эта льгота руководящих кадров трактуется автором очень серьезно и научно как «курс, исходящий из представлений о будущем», «загадка курса». Чтобы раскрыть эту загадку, автор почему-то приводит расходы Тверского ОК КПСС за первый квартал аж 1972 г., из которых видно, что расходы на заработную плату ответственных работников составили 606,3 млн р., а расходы на лечебные мероприятия — 29,8 млн р. (С. 118). Т.е. доля этой привилегии не

занимала и 5% от размера заработной платы, ее даже премией то назвать нельзя. Но, нисколько не смущаясь, автор делает вывод: «Расшифрованная таким образом формула предстает как некий комуфляж привилегий» (С. 119). Вот такие загадки «дискурса» и такой уровень их «расшифровки»!

Выстроив таким образом «загадку дискурса» о лечебном питании, автор выдвигает «гипотезу» о том, что «должно быть много ситуаций, когда расходы на питание не оставляли следов» (С. 126). В качестве подтверждения делается ссылка на анонимную жалобу, имеющую отношение к тому же Тверскому обкому партии теперь уже в 1952 г. В ней сообщалось, что служащие столовой ВППШ присваивают себе продукты. «Они вписывали их в фиктивные счета таким образом, будто продукты были выданы слушателям школы в обмен на талоны. ... И использованные талоны отправлялись в соответствующую службу райкома партии, оплачивались через банк и, наконец, сжигались». И далее: «Мне показалось логичным искать следы упомянутых талонов в виде цифр. Это позволило бы знать, во сколько обходилось партии питание будущих кадров». Ничего не найдя, автор глупокомысленно изрекает: «Приходится заключить, что документация такого рода подчинялась какой-то иной логике» (С. 126). Вот так на основе найденной анонимки 1952 г. автор разрешает свои «дискурсы». По большому счету, на этом уровне решается и весь «дискурс проблемы», которая называется автором «кормить и править».

Никто не собирается доказывать, что в кремлевские или ответственные работники обкомов партии питались хуже, чем рядовые труженики. Различия были. Все дело в их трактовке. Автор сводит весь смысл существования власти в СССР к физиологическому инстинкту. Власть даже не ради власти, а ради того, чтобы иметь какой-то спецпаек или доступ в спецстоловую. С позиций «современного государства» (потребительского общества), где главным является удовлетворение физиологических инстинктов, автор пытается трактовать деятельность представителей органов власти советского государства. За кадром остается все остальное. Не было строительства десятков тысяч предприятий, не было создания уникального научного и образовательного центра в стране, не было прорыва в космос, фунда-

мента безопасности, ликвидации социально опасных болезней и многого другого.

Автор свое исследование ограничивает периодом середины 1930-х гг., хотя именно в годы войны карточная система получила наибольшее развитие и была отменена только в 1947 г. Очевидно, если введение карточной системы в годы войны выдавать за содержание большевистской власти, то абсурдность такого утверждения будет понятна даже российскому скауту. Поэтому предшествующий период как нельзя лучше подходит для того, чтобы придать излагаемой схеме видимость «научного» обоснования. Для подтверждения автор приводит писания увлеченных идеями революционной перестройки быта в Советской России. Сами по себе эти писания ничем не интересны, никакой прямой связи с темой книги не имеют, но по каким-то косвенным признакам автор приходит к выводу, что именно в них была обоснована идея: чтобы править, нужно кормить.

Сюда же присовокуплены рассказы о кремлевском быте тех, кто каким-то образом имел к нему отношение. В основном это известные идеологи перестройки, повествующие о деталях быта Кремля в ироничной или шутливой форме. Но автор серьезно утверждает, что право для работников аппарата ЦК КПСС просто на чай, либо чай с печеньем, либо кружечку кофе свидетельствует о глобальной иерархии кремлевской власти, и это для нее являлось принципом существования. В заключении автор пишет о созданной в стране системе власти, что она, «будучи лживой и неэффективной для общества, позволила большевикам сохранить власть...» (С. 159).

В «современном» государстве очевидно власть жаждет только править и ничуть не хочет задумываться о кормлении своего населения. Вряд ли есть смысл дискутировать на тему: насколько вообще удачно название книги Т.С. Кондратьевой о российской власти — «Кормить и править...». Но уж абсолютно точно можно утверждать, что немало в настоящее время развелось авторов на поприще исторических исследований, готовых написать что угодно, лишь бы кормиться от власти.